

7. Лукоянова Т. В. Аспекты становления и развития терминологического поля «хирургический инструментарий» в немецком языке / Т. В. Лукоянова // Термины в коммуникативном пространстве : мат-лы науч.-практ. конф. с международным участием «Современные проблемы экологии языка» (10 февраля 2017) / отв. ред. С. И. Маджаева. – Астрахань : Изд-во Астраханского ГМУ, 2017. – С. 228–236. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29134519>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 10.09.2020).

8. Лукоянова Т.В. Медицинская терминология: особенности становления терминологического поля «хирургический инструментарий» в немецком языке // Терминология: становление, развитие, функционирование: коллективная монография. – Астрахань : Изд-во Астраханского ГМУ, 2019. – С. 114–134. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37230194>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 10.09.2020).

9. Маджаева С. И. Экологичность / неэкологичность медицинской информации / С. И. Маджаева // Экология языка: сб. науч. тр. / под ред. д.ф.н. Е. Н. Сердобинцевой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. – Вып. IX. – С. 34–38.

10. Сковородников А. П. Лингвистическая экология: проблемы становления / А. П. Сковородников // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения : науч.-метод. бюл. – Красноярск – Ачинск : Краснояр. ун-т, 1996. – Вып. 1 (1). – С. 5–9.

11. Субетто А. И. Сочинения. Ноосферизм / под ред. Л.А. Зеленова. – Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. – Т. 3. Россия в XXI веке в контексте действия ноосферного и социалистического императивов. – 482 с.

12. Haugen E. The Ecology of Language // The ecolinguistics reader. language, ecology and environment / ed. by A. Fill and P. Mühhäusler. – L.; N. Y.: Continuum, 2001. – P. 57–66.

13. Hirt H. Etymologie der neuhochdeutschen Sprache: Darstellung des deutschen Wortschatzes in seiner geschichtlichen Entwicklung / Herman Hirt. – München : C.Z. Beck-sche Verlagsbuchhandlung, 1921. – 439 p.

doi 10.21672/1818-4936-2021-77-1-063-068

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ ПЕРВИЧНЫХ АКТОВ НОМИНАЦИИ «УСПЕХА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Попова Софья Борисовна, аспирант, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 236016, Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, 14, sofia_popova39@mail.ru

Настоящая работа нацелена на выявление группы образов, лежащих в основе первичных актов номинации «успеха» в русском языке. В процессе изучения языкового материала, почерпнутого из словарей церковнославянского, древнерусского и современного русского языка, применялись методы дефиниционного, контекстуального, семантико-грамматического и когнитивно-интерпретационного анализа. Установлено, что эволюция глагола *спѣти* протекала в направлении от синкретизма базовых прототипических образов (созревание, движение, готовность, помощь) к формированию дискретных значений и развитию самостоятельных лексических единиц. Результаты исследования вносят вклад в теорию семантического синкретизма и восполняют пробелы в области когнитивного осмысления культурно-специфических особенностей вербализации образа успеха в русском языке.

Ключевые слова: концепт «успех», семантическая эволюция, лексико-семантический синкретизм, семантический прототип

THE SEMANTIC SYNCRETISM IN PRIMARY NOMINATIVE ACTS OF “SUCCESS” IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Popova Sofya B., postgraduate student, Immanuel Kant Baltic Federal University, 236041, Russia, Kaliningrad, 14 A. Nevsky st., sofia_popova39@mail.ru

The article is aimed at identifying the group of images underlying the primary nominative acts of “success” in the Russian language. In the process of studying the language material excerpted from the dictionaries of Church Slavonic, old and modern Russian language,

methods of definition, contextual, semantic-grammatical and cognitive-interpretative analysis were applied. It is established that the evolution of the verb *спѣти* proceeded in the direction from syncretism of the basic prototypical images (maturation, movement, readiness, help) to the formation of discrete meanings and the development of independent lexical units. The work contributes to the theory of semantic syncretism and fills in gaps in the field of cognitive comprehension of the culture-specific verbalization features on the image of success in the Russian language.

Keywords: concept of success, semantic evolution, lexical-semantic syncretism, semantic prototype

Введение. Значительный рост интереса к исследованию концепта «успех» в современном русском языке вызван, несомненно, влиянием американского варианта английского языка, в котором данное понятие принадлежит к числу так называемых регулятивных концептов, являющихся однословным выражением ценностных, высших ориентиров поведения человека [5, с. 36]. Основное внимание исследователей направлено на изучение современной составляющей успеха, реализующейся, в первую очередь, на уровне реаксиологизации представлений российского этносоциума о данном феномене. Лишь немногочисленные работы посвящены диахроническому изучению собственных, национально-культурных истоков видения и осмысления успеха [4, 10]. В статье В.В. Заярной описывается семантическая эволюция существительных, выражающих значение 'успех, положительный результат'. В нашей работе предпринимается попытка реконструкции первичных актов номинации на материале глагольных форм, послуживших семантическими прототипами концепта «успех» в ранние периоды языкового развития.

Материал и методы исследования. Теоретико-методологической базой осуществлённого анализа послужили работы российских учёных, изучающих проблемы этимологии и лексико-семантического синкретизма [19, 18, 9, 20 и др.] и национально-культурные аспекты номинации [12, 6 и др.]. Источниками языкового материала явились словари древнерусского, старославянского, церковнославянского языка, а также толковые и этимологические словари русского языка.

Результаты и обсуждение. Этимологически лексическая единица *успех* относится к словообразовательному гнезду глагола *спѣти*, восходящему к индоевропейской основе *sprei-* 'напрягаться, распространяться' [11, с. 368]. Для одних из первых письменных употреблений данного глагола в старославянском языке в словаре лексики IX–XII веков фиксируются следующие два значения *спѣти*: 1. 'успевать, преуспевать, иметь успех'; 2. 'быть полезным' [15, С. 144–145].

Примеры, приводимые словарями, свидетельствуют о семантико-грамматическом разнообразии используемых глагольных форм. Прежде всего, обращает на себя внимание наличие как возвратной, так и переходной формы глагола. Примеры употребления возвратной формы относятся к человеку, «спяние» которого в сакральном смысле приравнивается к спянию его души: *Спѣятися тебѣ и здравствовати, яко же спѣется ти душа 3 Иоанн* [16, с. 210]. Возвратная форма может также относиться к объекту деятельности самого человека: *Онъ же мало бився оттуду и видѣ, яко спѣется ему дѣло, и тогда повель отворити градныя врата.* Каз.лет., 218 XVI–XVII вв. [13, с. 25].

Словари также фиксируют примеры употребления глагола в переходной форме: *Или худіе есмь чимъ иконома сего, или его брата спѣюща.* Симон. Посл. Полик. *Времени же минувшю, король спѣшетъ рать великоу.* Ип. л. 6717 [17, с. 474]. В качестве агенса, помимо людей, могут выступать неодушевленные объекты, выполняющие в предложении роль логико-грамматического субъекта: *Аще ли спѣеть [богатство], то не прила(га)ите с(е)рдца* Сл. Похв. Фомы, 32 XVI в.. *Дѣло ево не спѣеть, преетъ.* Сим.Послов, 209 XVII–XVIII вв. [13, с. 25]. Данные примеры свидетельствуют о недифференцированности переходной/непереходной формы глагола *спѣть*, вполне объяснимой с точки зрения возможности рассматривать себя как каузатора успешной деятельности и в то же время дистанцироваться от объекта умножения, фиксируя его рост и поспевание вне связи с собственным участием.

Употребление различных глагольных форм влечет за собой и их сочетаемость с различными падежами. Довольно часто глагол *спѣти* управляет существительным в творительном падеже со значением средства, причины или траектории. Так, пример *Іако онъ спѣаше іако же въздростомъ, тако же и премъдростиѣ и благодѣтиѣ.* Гр. Наз. XI в. 56 [17, с. 474] не только иллюстрирует использование глагола в значении 'успевать, преуспевать', но и указывает на те свойства или качества, которые в данный исторический период рассматриваются как причина преуспевания: возраст,

премудрость и благодетель. Другие примеры реализуют значение 'спешить, стремиться, спешно готовить, способствовать' и управляют существительным в творительном падеже со значением траектории: *Не ревнуи спѣющему поутемъ своимъ*. Георг. Ам. (Увар) л. 79. [17].

Столь широкие с точки зрения грамматики возможности в полной мере соответствуют многослойному семантическому наполнению, в котором выделяются несколько образных величин: успех, созревание, движение, готовность и помощь. Разумеется, они не существуют в чистом, дискретном виде, а в большей или меньшей степени взаимозависимы и взаимодополняемы. Так, успех связывается с ростом, созреванием души человеческой, в то же время созревание естественным образом расширяет своё значение до процесса приготовления каких-либо объектов. Заметим, что быстрота созревания, роста или движения составляют едва заметный фон в семантическом синкретизме церковнославянского глагола.

Напротив, в примерах, относящихся к древнерусскому периоду, именно скорость, точнее, осознание её оптимальной меры, выходит на первый план и становится одним из основных интегральных компонентов семантической синкреты. В словаре русского языка XI–XVII веков в качестве первых значений указываются: 'идти вперед, продвигаться, стремительно приближаться к чему-либо, стремиться, направлять свои усилия' [13, с. 24–25]. При этом вектор движения может иметь не только направление вперед, но и вверх, что в полной мере соответствует образу созревания растения, стремящегося ввысь и тем самым достигающего зрелости. В данном значении 'расти, увеличиваться' глагол *спеть* употребляется как в возвратной, так и в невозвратной формах: *Церкви...спѣяше / спѣяшес<я> въ высоту*. Перен. Мощ. Мт. Петра, 31 (35) XVI в. ~ XV. [13, с. 25, 26].

Осознание жизненной важности движения самого по себе и зависимости его результата от понимания цели/направления пути напрямую связаны с нахождением оптимальной скорости. Многовековой эмпирический опыт показал, что расчет этого параметра представляется сложной задачей. Констатируя недостаточную или чрезмерную скорость движения, люди постепенно приучились номинировать с помощью данного глагола сам факт быстрого движения с необязательной привязкой к его результативности. Превышение скоростного режима, в свою очередь, способствует тому, что ближайший дериват *спѣхъ*, употребляемый в таких сугубо положительно маркированных значениях, как 'успех, удача'; 'содействие помощь'; 'усердие готовность, добрая воля', приобретает отрицательный компонент в виде торопливости, спешки. Как отмечает В.В. Виноградов, конечным результатом данной оценочной дифференциации является то, что «уже в XVI–XVII вв. связь между *спех*, *спешный* и *спеть*, а также между этими словами и глаголом *успеть*, с одной стороны, и *успешный*, с другой, значительно ослабевает» [1, с. 657].

Успешность деятельности тесно связана с финальной фазой созревания или готовности ее объекта. Этот факт находит отражение в значении 'приближения к зрелости, необходимой для чего-л., к состоянию годности', причем состояние готовности может относиться и к человеку: *А Овдокимко деи въ нашу службу поспѣль, а Бориско деи да Глѣбко да Офонаско въ нашу службу спѣют*. ДАИ I, 111. 1556 [13, с. 25]. Самые ранние примеры, в которых готовность рассматривается, как финальная стадия поспевания, относятся к XVI веку. Объектами данного процесса являются растительные плоды, а также различные продукты человеческой деятельности, например, хлеб, каша, чернила. А докуды спѣют [чернила], ино мѣшат(ь) начастѣ. Сим. Обоих.книгоп. 22. XVI в. [Там же]. Возникновение и развитие этих объектов подразумевает сознательное участие человека, когда на основе своего эмпирического опыта он решает, какой временной отрезок следует соблюсти, чтобы получить оптимальный результат. Заметим, что такая образная триада «движение – время – готовность» оригинальным образом проявляет себя в прилагательном *дошлый*, употреблявшемся для описания спелого, зрелого, дошедшего до готовности плода, и в то же время для обозначения человека, достигшего высот своего мастерства: 'мастеръ своего дѣла; дока; опытный, свѣдущій, знающій, наторѣлый, бывалый, тертый, битый, смышленный, способный' – т.е. тот, кто успешно прошёл некоторый путь [2, с. 25].

Следующий образ, характерный для синкретической семантики глагола *спѣти*, связан с понятием «помощь», «содействие», которые реализуются только в переходной форме глагола: *Или худѣ есмь чимъ иконома сего, или его брата спѣюща*. Симон. Посл. Полик. [17, с. 474]. Транзитивное употребление подчёркивает агентивное начало человека, выступающего в данном примере в роли каузатора успеха другого лица.

Постепенно разнообразие значений глагола *спѣти* сужается. Синкретизм, а порой и диффузность образов, свойственные ранним актам номинации, препятству-

ют успешному функционированию языкового знака. Как указывает И.М. Некипелова, слово в своём семантическом развитии проходит этапы: от функционирования в языке и речи в исходном предметном значении к формированию семантических синкрет, а затем – к распадению синкретизма слова и появлению отдельных семантических дериватов [8, с. 38]. Данную последовательность можно наблюдать и на примере распада семантического синкретизма глагола *спѣти*. Так, в словаре Даля в качестве основного значения указывается: 'вы(до,по)спѣвать, зрѣть, созрѣвать, приходиться въ спѣлость, въ зрѣлость'; | 'поспѣвать, быть вскорѣ готову, приходиться къ концу' [3, с. 309–310]. В данном значении речь может идти как о созревании плодов, так и о готовности различных продуктов человеческого труда либо самого дела: *Здѣсь груша рѣдко спѣетъ, не доспѣваетъ. Щи, пирогъ, жаркое спѣетъ, варится доходит на огнѣ, вскорѣ будетъ годно въ пищу. Дело наше спѣетъ, идетъ удачно* [3, с. 309–310].

По-прежнему сохраняется возможность переходного употребления: *Мы-де готовимся на службу, запасы спѣемъ. Спѣй свое дѣло* [3]. В данных контекстах в качестве имплицитного агенса подразумевается человек, приумножающий запасы, «спеющий» своё дело. Грамматическое значение глагола указывает на осознание себя как универсального каузатора всех процессов, а его лексическое значение приобретает прагматическую направленность полезности, приумножения материальных и духовных благ.

В середине XX века происходит полная утрата переходности и возвратности глагола, специализация его семантики. В качестве основного значения словарями указывается: *спеть*, спею, спеешь: 'становиться спелым; созреть'. О плодах, овощах, злаках. *Хлеб наливался и спел не по дням, а по часам*. Сераф. Две ночи [14, с. 498]. Остальные значения снабжаются пометами, одна из которых характеризует глагол как свойственный разговорному стилю речи: 'становиться готовым к употреблению' (довариваясь, дожариваясь и т. п.), два других значения признаются устаревшими: устар. и простореч. 'Идти успешно, спориться. О деле, работе'; устар. и обл. 'спешить, поспевать за кем-либо'; 'догонять' [14].

Человек полностью исключается из числа акторов, а процесс поспевания растений и даже изготовления пищи, невозможный без участия человека, начинает рассматриваться и эксплицироваться на семантико-грамматическом уровне высказывания как самопроизвольный. Примечательно, что утрата переходности русскими глаголами обычно не приводит к смене агенса / пациенса. К примеру, «глаголы со значением управления и руководства утрачивают переходность, однако семантические роли управляемых актантов остаются прежними, просто в современном языке пациенс при этих глаголах выражается уже не винительным, а творительным падежом» [7, с. 34]. В нашем случае имеет место самоустранение человека как агенса приумножающегося дела или созревающих плодов. Номинатор приписывает им абсолютную субъектность и агентивность, что приводит к полной утрате образа успеха в обособившемся грамматически и семантически словообразовательном гнезде *спеть*.

Тем не менее, метафорический синкретизм некоторых первичных образных составляющих успеха находит свое отражение в современных разговорных формах ословливания успеха. Присутствие образа быстрого движения или бурного роста и созревания можно обнаружить в таких употреблениях, как *покатило, прокатит / не прокатит* в значении 'повезти', или *поперло* в значении начала успешной полосы в жизни. Однако, их употребление только в безличной форме может служить свидетельством неагентивного понимания успеха как случайной, не зависящей от человека ситуации.

Заключение. Таким образом, диахронический анализ особенностей употребления глагола *спеть* в текстах IX–XXI вв. показал, что семантическая эволюция протекала по пути постепенного отхода от семантико-грамматического синкретизма к развитию отдельных лексических дериватов с соответствующими значениями. Образ созревания реализовался в гнезде глагола *спеть*, быстрого движения – в гнезде глагола *спешить*, образы готовности и помощи не получили дальнейшего эксплицитного развития в однокоренных лексических дериватах. В то же время значение самого успеха, характерное для церковно-славянских текстов, в современном русском языке реализуется в неосемантизмах «успех», «успешный человек», развившихся под влиянием соответствующих концептов успешности в английском языке. Однако, если в период христианизации, которую можно рассматривать как исторически первую форму глобализации, реализовалось значение «спяния» души, в противовес спянию бранных благ, то в рамках англоглобализации на первый план выходит образ финансового роста человека, как основного субъекта успеха.

Список литературы

1. Виноградов В. В. История слов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык». Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / отв. ред. академик РАН Н. Ю. Шведова. – М., 1999. – 1138 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Санкт-Петербург – М. : Изд.-во т-ва М. О. Вольф, 1880. – Т. 1: А-З. – 723 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Санкт-Петербург. – М. : Изд.-во т-ва М. О. Вольф, 1880. – Т. 4 Р-У. – 704 с.
4. Заярная В. В. Семантическая эволюция лексико-семантического поля «успех, положительный результат» / В. В. Заярная // Мир русского слова. – 2012. – № 2. – С. 17–23.
5. Карасик В. И. Нормы поведения в языковой картине мира / В. И. Карасик // Вестник Московского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2019. – № 4. – С. 35–49.
6. Катермина В. В. Номинация человека. Национально-культурный аспект. На материале русского и английского языков / В. В. Катермина. – М. : Флинта, 2018. – 224 с.
7. Муравенко Е. В. Глаголы со значением управления: утрата переходности / Е. В. Муравенко // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2018. – № 51. – С. 31–46.
8. Некипелова И. М. К вопросу о разграничении понятий семантическая деривация и семантическое словообразование в диахроническом аспекте / И. М. Некипелова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2011. – № 2 (14). – С. 33–46.
9. Пименова М. В. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии / М. В. Пименова // Вопросы языкознания. – 2011. – № 3. – С. 19–48.
10. Попова С. Б. Семантика и прагматика успеха в синхро-диахронической перспективе / С. Б. Попова // Свое vs чужое в дискурсивных практиках современного русского языка / под ред. Н. Г. Бабенко, Т. М. Шапенко. – Калининград : Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2019. – С. 177–191.
11. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка / сост. А. Г. Преображенский. – М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1910–1914. – Т. 2. – 420 с.
12. Рут М. Э. Образная номинация в русском языке / М. Э. Рут. – Екатеринбург : Изд.-во Урал. ун-та, 1992. – 148 с.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. В. Б. Крысько ; Ин-т рус.яз. им. В. В. Виноградова РАН. – М. : Наука, 1975. – Вып. 27 (Спась – Старицынь). – 2006. – 276 с.
14. Словарь современного русского литературного языка. – М. – Л. : Изд.-во Академии наук СССР, 1963. – Т. 14: Со-сям. – 1390 с.
15. Словарь старославянского языка : в 4 т. Репр. издание. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – Т. 4. С-У. – 1054 с.
16. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской Академии наук, 1847. – Т. 4. – 488 с.
17. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – Санкт-Петербург : Тип. Императ. Акад. наук, 1912. – Т. 3: Р-Я и дополнения. – 996 с.
18. Трубачев О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура / О. Н. Трубачев. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2008. – Т. 3. – 800 с. – (Opera etymologica. Звук и смысл).
19. Черепанова О. А. О соотношении понятий «семантический синкретизм» и «лексико-семантическая группа» в применении к лексической системе древнерусского языка / О. А. Черепанова // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историкокультурного наследия / гл. ред. Г. В. Судаков. сост. С. А. Тихомиров. – Вологда : Книжное наследие, 2007. – С. 27–36.
20. Яцкевич Л. Г. Семантический синкретизм как источник ситуативной метонимии и словообразовательной когерентности диалектных лексем / Л. Г. Яцкевич // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: гуманитарные, общественные, педагогические науки. – 2016. – № 1. – С. 91–97.

References

1. Vinogradov V. V. Istorija slov. Rossijskaja akademija nauk. Otdelenie literatury i jazyka: Nauchnyj sovet «Russkij jazyk». Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova RAN / ed. akademik RAN N. Ju. Shvedova. Moskva: 1999. 1138 p.

2. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka. St. Petersburg – Moscow: Publ. t-va M. O. Vol'f, 1880. Vol. 1. 723 p.
3. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka. St. Petersburg – Moscow: Publ. t-va M. O. Vol'f, 1880. Vol. 4. 704 p.
4. Zajarnaja V. V. Semanticheskaja jevoljucija leksiko-semanticheskogo polja «uspeh, polozhitel'nyj rezul'tat» // Mir russkogo slova, 2012, No 2, pp. 17–23.
5. Karasik V. I. Normy povedenija v jazykovoj kartine mira // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika, 2019, No 4, pp. 35–49.
6. Katermina V. V. Nominacija cheloveka. Nacional'no-kul'turnyj aspekt. Na materiale russkogo i anglijskogo jazykov. Moscow: Flinta, 2018. 224 p.
7. Muravenko E. V. Glagoly so znacheniem upravlenija: utrata perehodnosti. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija, 2018, No 51, pp. 31–46.
8. Nekipelova I. M. K voprosu o razgranichenii ponjatij semanticheskaja derivacija i semanticheskoe slovoobrazovanie v diahronicheskom aspekte. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija, 2011, No 2 (14), pp. 33–46.
9. Pimenova M. V. Leksiko-semanticheskij sinkretizm kak projavlenie formal'no-soderzhatel'noj jazykovoj asimmetrii // Voprosy jazykoznanija, 2011, No 3, pp. 19–48.
10. Popova S. B. Semantika i pragmatika uspeha v sinhro-diahronicheskoj perspektive. Svoe vs chuzhoe v diskursivnyh praktikah sovremennogo russkogo jazyka / ed. N. G. Babenko, T. M. Shkapenko. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University Publ., 2019, pp. 177–191.
11. Preobrazhenskij A. G. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka. Moscow: Tip. G. Lissnera i D. Sobko, 1910–1914. Vol. 2. 420 p.
12. Rut M. Je. Obraznaja nominacija v russkom jazyke. Ekaterinburg: Ural Un-ty Publ., 1992. 148 p.
13. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII / ed. V. B. Kry's'ko; In-t rus.jaz. im. V. V. Vinogradova RAN. Moscow: Nauka, 1975. Part 27. 2006. 276 p.
14. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk USSR, 1963. Vol. 14. 1390 p.
15. Slovar' staroslavjanskogo jazyka: in 4 vol. Repr. izdanie. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006. Vol. 4. 1054 p.
16. Slovar' cerkovno-slavlanskogo i russkogo jazyka, sostavlenyj Vtorym Otdeleniem Imperatorskoj Akademii nauk. St. Petersburg: Tip. Imperatorskoj Akademii Nauk, 1847. Vol. 4. 488 p.
17. Sreznevskij I. I. Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka po pis'mennym pamjatnikam. St. Petersburg: Tip. Imperat. Akad. Nauk, 1912. Vol. 3 i dopolnenija. 996 p.
18. Trubachev O. N. Trudy po jetimologii. Slovo. Istorija. Kul'tura. Vol. 3. Moscow: Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2008. 800 p. (Opera etymologica. Zvuk i smysl).
19. Cherepanova O. A. O sootnoshenii ponjatij «semanticheskij sinkretizm» i «leksiko-semanticheskaja gruppa» v primenenii k leksicheskoj sisteme drevnerusskogo jazyka. Russkaja kul'tura novogo stoletija: Problemy izuchenija, sohraneniya i ispol'zovanija istorikokul'turnogo nasledija / ed. G. V. Sudakov. Sost. S. A. Tihomirov. Vologda: Knizhnoe nasledie, 2007, pp. 27–36.
20. Jackevich L. G. Semanticheskij sinkretizm kak istochnik situativnoj metonimii i slovoobrazovatel'noj kogerentnosti dialektnyh leksem. Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: gumanitarnye, obshhestvennye, pedagogicheskie nauki, 2016, No 1, pp. 91–97.

doi 10.21672/1818-4936-2021-77-1-068-074

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭВФЕМИЗМОВ-ОБЕРЕГОВ

Романов Сергей Игоревич, аспирант, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 300026, Россия, г. Тула, пр. Ленина, 125, romanoff71@yandex.ru

В статье рассматривается особый вид эвфемизмов – обереги, то есть лингвокультурные единицы, наделённые функцией защиты. Выделены два вида эвфемизмов-оберегов с точки зрения актуальности: устаревшие и актуальные единицы. Устаревшие эвфемизмы-обереги имеют мишени, которые современной лингвокультурной общностью не осознаются как опасные. Актуальные эвфемизмы-обереги, хотя и не всегда осознанно, но используются представителями современной русской лингвокультурной общности для защиты от чего-либо плохого.